

---

## ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

А.С. Курилов

### КОГДА И О ЧЕМ ЗВЕНЕЛИ КОЛОКОЛЬЧИКИ? К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ СТИХОТВОРЕНИЙ А.К. ТОЛСТОГО

#### *Аннотация*

Статья посвящена уточнению датировки стихотворения А.К. Толстого «Колокольчики мои...»

*Ключевые слова:* А.К. Толстой, «Колокольчики мои...», В.М. Жемчужников, А.О. Смирнова, «украинский цикл».

**Kurilov A.S.** «*The bell-flowers*»: *To the problem of dating of the lyrics by A.K. Tolstoy*  
*Summary.* The article deals with the clarification of the date of A.K. Tolstoy's poem «The bell-flowers».

У А.К. Толстого есть два стихотворения, никак им не озаглавленные, но которые начинаются одинаково:

*Колокольчики мои  
Цветики степные...*

Затем следуют строки. В одном:

*...что звените вы в траве,  
Темно-голубые?*

В другом:

*Темно-голубые...  
И о чем звените вы...*

Никаких других текстуальных или смысловых совпадений в этих стихотворениях нет. Каждое – самостоятельное произведение, и написаны они по разному поводу и с разной целью. Тем не менее именно эти начальные строки, а также тот факт, что Толстой поместил лишь одно из них в единственном прижизненном собрании своих стихотворений, увидевшем свет в 1867 г., – становятся и продолжают оставаться для исследователей творчества поэта единственным аргументом существования двух редакций «Колокольчиков».

У М.Ю. Лермонтова, например, в стихотворении «Бородино» встречаются не только отдельные строки, но и целая строфа из его же стихотворения «Поле Бородина». Да и рассказ о ходе сражения и там и там ведет участник битвы: в одном – молодой солдат, в другом – ветеран. Однако никому и в голову не приходило и не приходит считать одно ранней редакцией другого. При всех текстуальных и образных совпадениях – это разные произведения. Так к ним и относятся лермонтоведы. Почему же отношение к двум «Колокольчикам» Толстого иное? Это тоже разные произведения. Более того, если стихотворения Лермонтова посвящены одному событию, то Толстого – разным.

## 1

И те и другие «Колокольчики» начинаются с вопросов, адресованных поэтом «цветикам степным», но цели и назначение этих вопросов не совпадают. В одних «Колокольчиках»:

*Что смотрите на меня,  
Темно-голубые?  
И о чем звените вы  
В день веселый мая,  
Средь некошенной травы  
Головой качая? –*

вопросы никак не связаны с дальнейшим разговором и повисают в воздухе, являясь как бы своего рода зачином, который не имеет никакого отношения к содержанию произведения, и потому не нуждаются в ответах.

В других «Колокольчиках», наоборот, вопросы не только рассчитаны на вполне конкретные ответы, но являются основой, стержнем содержания:

*Что звените вы в траве,  
Темно-голубые?*

*Старину ль зовете вы?  
Будущие ль годы?*

*Новгорода ль вам жаль?  
Дикой ли свободы?*

*Иль морских богатырей  
И царевен пленных?  
Иль увенчанных царей  
В бармах драгоценных?*

*Иль соборов на Москве  
Во святом синклите?*

При этом поэт не только одобряет и поощряет «цветики» к рассказам о старине или будущем:

*Колокольчики мои,  
Звените, звените! –*

но и дополнительно обозначает то, что хотел бы от них услышать:

*Вы звените о былом  
Времени далеком,*

*Обо всем, что отцвело,  
Чего нет уж боле,  
О боярах на Руси,  
О козацкой воле!*

*...О гетманщине лихой  
Звените, звените!*

*Как лежит козак убит  
В стороне немилрой  
И ракита говорит  
Над его могилой!*

И тут же говорит о целях и назначении задаваемых им вопросов и пожеланий:

*Я прислушаюсь<sup>1</sup> к вам,  
Цветики степные,  
Русским людям передам  
Я дела былые!*

В целом стихотворение, как нетрудно заметить, носит ярко выраженный программный характер. Это не ранняя редакция «Колокольчиков», а своеобразная заявка на будущее, где поэт определяет главное направление своего творчества – рассказывать людям о «делах былых», что и обещает сделать. И затем, на протяжении своей жизни свято, последовательно, целенаправленно его выполняет, передавая «русским людям» и то, что «назвенели» ему «цветики степные», и то, что нашелестели ему страницы отечественной, и не только отечественной, истории. «Дела былые» получили отражение в его балладах «Курган», «Князь Ростислав», «Василий Шибанов», «Князь Михаил Репнин» и др., в романе «Князь Серебряный», в поэмах «Грешница» и «Иоанн Дамаскин», в трагедиях «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович», «Царь Борис», в драме «Посадник», а также в стихотворениях с украинской тематикой. Изображению одного из таких «дел» – «светлому посланию» – посвящены и широко известные «Колокольчики».

## 2

Как же возникло мнение о двух редакциях «Колокольчиков»?

Мнение это появилось в начале XX в., когда была обнаружена тетрадка с записями стихотворений Толстого. Это были копии, и кто их сделал, установить тогда не удалось. Какое-то время эту тетрадь держал в руках А.А. Кондратьев, поместивший затем в своей книге «Граф А.К. Толстой» (1912) известие о ней, а в приложении – выписки из находившихся там стихотворений – одни полностью, другие – в отрывках<sup>2</sup>. Вскоре тетрадь пропала.

В ней находились оба стихотворения, причем первыми стояли неизвестные до того «Колокольчики», а известные находились на девятом месте. Тетрадь открывалась неизвестными «Колоколь-

чиками» закономерно: они являлись программными для поэта, определявшими, как уже отмечалось выше, главное направление его творчества, что и подтверждалось находившимися там произведениями, более половины которых, включая и уже известные «Колокольчики», были навеяны как раз «делами былыми».

К этой тетради был приложен листок с автографом Толстого. В верхней его части стояло: «Колокольчики. Александре Осиповне Смирновой от сочинителя», – ниже была приписка:

*Ой не видно того села – тыльки видны хресты,  
Туди любо, туди мило вигеньками увиты!*

Основываясь на автографе в верхней части странички и факте неоднократных встреч поэта с А.О. Смирновой во время пребывания его в 1850 г. в Калуге, известный этнограф и историк русской литературы Е.А. Ляцкий делает заключение, что эта тетрадка была подарена Толстым А.О. Смирновой в том же году<sup>3</sup>. Однако содержание приписки, на что не обратил внимания Ляцкий, относилось к событиям, которые произошли уже после 1852 г. (об этом разговор ниже).

Датировка тетради, предложенная Ляцким, без какого-либо текстологического анализа достоверности этой даты, была безоговорочно принята литературоведами, а сама тетрадь в дальнейшем получила наименование «Тетрадь А.О. Смирновой». Исходя из предположения как о подарке ее Толстым Смирновой в 1850 г., стали считать, что все записанные в тетрадь стихотворения были созданы поэтом ранее – т.е. в 1840-е годы. Со временем это принимается издателями и комментаторами произведений Толстого без всяких на то сомнений. Самое последнее по времени – «Полное собрание стихотворений и поэм» поэта, увидевшее свет в 2006 г.<sup>4</sup>

При этом исследователей почему-то не насторожило то обстоятельство, что в «Тетради В.М. Жемчужникова» (ЦНИОР РГБ), создание которой безоговорочно относили к середине 1850-х годов, расположение первых 23 стихотворений, их последовательность, за исключением двух позиций, полностью совпадало с находившимися в «Тетради А.О. Смирновой», выписки из которой,

сделанные Кондратьевым, были идентичны текстам стихотворений, имевшихся в «Тетради В.М. Жемчужникова».

**«Тетрадь А.О. Смирновой»  
(по книге А.А. Кондратьева)**

- I. Колокольчики
- II. «Ты знаешь край, где все обильем дышит...»
- III. Цыганские песни
- IV. Василий Шибанов (баллада)
- V. «Ты помнишь ли, Мария...»
- VI. Благовест
- VII. «Шумит на дворе непогода...»
- VIII. «Бор сосновый в стране одинокой стоит...»
- IX. Колокольчики
- X. «Дождя отшумевшего капли...»
- XI. С моравского («Ой, стоги, стоги...»)
- XII. «По гребле, неровной и тряской...»
- XIII. Князь Михаил Репнин (баллада)
- XIV. «Милый друг, тебе не спится...»
- XV. Ночь перед приступом
- XVI. Курган
- XVII. Волки
- XVIII. «Где гнутся над озером лозы...»
- XIX. Князь Ростислав
- XX. Пустой дом
- XXI. Богатырь
- XXII. Поэт

**«Тетрадь В.М. Жемчужникова»**

1. Колокольчики
2. «И у меня был край родной когда-то...»
3. «Коль любить, так без рассудку...»
4. Цыганские песни
5. Василий Шибанов (баллада)
6. «Ты помнишь ли, Мария...»
7. Благовест

8. «Шумит на дворе непогода...»
9. «Бор сосновый в стране одинокой стоит...»
10. Колокольчики
11. «Дождя отшумевшего капли...»
12. С моравского («Ой стоги, стоги...»)
13. «По гребле, неровной и тряской...»
14. Князь Михаил Репнин (баллада)
15. «Милый друг, тебе не спится...»
16. Ночь перед приступом
17. Курган
18. Волки
19. «Где гнутся над озером лозы...»
20. Князь Ростислав
21. Пустой дом
22. Богатырь
23. Поэт

Если исходить из того, что так называемая «Тетрадь А.О. Смирновой» была подарена адресату в 1850 г., а «Тетрадь В.М. Жемчужникова» создана в середине 1850-х годов, то надо предположить следующее: Жемчужников на какое-то время должен был получить в свои руки «Тетрадь А.О. Смирновой», сделать с нее писарскую копию: в «Тетрадь А.О. Смирновой» стихи были записаны неизвестно кем, а «Тетрадь В.М. Жемчужникова» – писарская копия стихотворений Толстого. Но не просто сделать копию, а исключить при этом и явно с ведома самого поэта одно стихотворение – «Ты знаешь край, где все обильем дышит...» и добавить два – «И у меня был край родной когда-то...» и «Коль любить, так без рассудку...» Такое могло произойти лишь в том случае, если Толстой где-то в середине 1850-х годов вдруг вспомнил о «подаренной» Смирновой «Тетради», попросил ее на какое-то время «назад» и передал ее Жемчужникову, чтобы тот снял с нее копию под его, Толстого, непосредственным наблюдением, внося при этом отмеченные выше изменения (сам Жемчужников самовольно пойти на замену стихотворений никогда бы не решился), а затем вернуть «Тетрадь» обратно адресату «подарка» – Смирновой.

Но такое было не только не реально, но просто невозможно. Унизить себя подобной просьбой и решиться на такой шаг граф, с обостренным чувством собственного достоинства, ну никак не мог. Да и сама мысль о подобном шаге у него даже не могла возникнуть. У него, что, это был единственный список «забытых» им стихотворений, сделанный к тому же не его собственной, а чьей-то рукой? Следовательно, так называемая «Тетрадь А.О. Смирновой» со стихами Толстого, записанными в нее «неустановленной рукой», появилась, так же, как и «Тетрадь В.М. Жемчужникова», не ранее середины 1850-х годов. И по-видимому, у них был общий источник – «Тетрадь», написанная Толстым собственноручно, что и найдет подтверждение в наше время.

То, что «Тетради» как А.О. Смирновой, так и В.М. Жемчужникова не могли появиться ранее середины 1850-х годов, подтверждается наличием там стихотворений, содержание которых показывает, что они были созданы поэтом именно в 50-е годы. Например, «Благовест».

Прежде чем говорить о его содержании, напомним, что в лирике, как справедливо в свое время уже подметил Г.В.Ф. Гегель, человек «удовлетворяет потребность... высказать себя», что она есть «самовыражение его души»<sup>5</sup>. Вспомним Есенинское: «Стихи мои, спокойно расскажите про жизнь мою». И его же из заметки «О себе»: «...автобиографические сведения... в моих стихах». Лирика Толстого не исключение.

В «Благовесте» есть такие слова:

*И отрекаюсь я  
От дела злого...*

Из того, что нам известно о жизни Толстого, только одно задуманное им «дело» подходит под определение «злое» и от которого он действительно «отрекся». Это – «под предлогом прогулки на яхте» вести в Балтийских «шхерах» каперскую войну против кораблей английского флота в условиях начавшейся тогда Крымской войны<sup>6</sup>.

Капер (с голландского) – морской разбойник, корсар; каперская война, каперство – разбойные нападения на морские суда. Однако уже с конца XVIII в. отдельные страны начинают договариваться о взаимном отказе от каперства. Среди них была



и Россия. Полностью каперство было запрещено Парижской декларацией от 4(16) апреля 1856 г.<sup>7</sup>

Толстой знает, что задуманное им и графом А.П. Бобринским «дело» добрым никак не назовешь. Оно, пишет Толстой, «требует большой предосторожности», так как «найдет препятствие и противодействие со стороны властей». С июня по сентябрь 1854 г. он активно занимается организацией задуманного предприятия: заказывает ружья, «ищет пароход» и людей, что «будут именоваться матросами яхт-клуба» (IV, 72). Тщетность всех усилий, связанных с организацией этого мероприятия, постепенное осознание бесперспективности задуманного заставляют Толстого отказаться от самой идеи такого «дела» – т.е. «отречься» от него.

В этот момент его осеняет другая мысль – создать для защиты Отечества «дружину из царских крестьян», и в начале октября 1854 г. он обращается с соответствующим проектом к своему дяде – Л.А. Перовскому, бывшему тогда министром уделов. Выслушав племянника, дядя сказал, что он опоздал, что император уже издал рескрипт об образовании Стрелкового полка Царского семейства из удельных крестьян<sup>8</sup>.

Таким образом, «Благовест», где поэт заявляет о своем «отречении от дела злого» – т.е. попытки вести каперскую войну, был создан не ранее сентября 1854 г., но никак не в 1840-е годы.

А вот когда точно и в каком месте, под звон колокола какого пятиглавого храма Толстой почувствовал необходимость заявить о таком шаге, снять с души тяжесть сознания греховности задуманного им «дела злого», можно будет установить лишь по летописи жизни поэта, расписанной если не по дням, то хотя бы по месяцам, как только такая летопись будет составлена. Вероятно, таким местом окажется село Медведь Новгородской губернии, где поэт находился в мае-июне 1855 г., внимая колоколам находившегося там пятиглавого храма...

По своему характеру (жанру) «Благовест» – это раскаяние за грех, хотя и не совершенный. Ведь греховными бывают не только дела, но и помыслы, каким и был замысел каперства против кораблей английского флота. Опубликовав стихотворение весной 1856 г. («Русский вестник». Апрель. Кн. 1. Стихотворение было передано редакции журнала вместе с другими, опубликованными в том же номере, во время пребывания поэта в Москве в сентябре-

октябре 1855 г.), тем самым раскаявшись публично, Толстой не включает его в свой сборник 1867 г. Раскаяние по горячим, как говорится, следам было естественно и понятно, но совсем неуместно повторно, десять лет спустя, провоцируя к тому же неудобный для поэта вопрос: а от какого «дела злого» ему пришлось отрекаться? – на который Толстому явно не хотелось отвечать, вспоминать неудавшееся предприятие.

### 3

В 1850-е, а не в 1840-е годы создаются и «Колокольчики». Тогда же начинается публикация тех, где говорится о «светлом посланье», однако без посвященных этому «посланию» строк. 1–5 и 12-я строфы стихотворения увидели свет в четвертой книжке «Современника» за 1854 г., а вместе с 6–11 строфами в 1867 г. в собрании стихотворений Толстого.

Более чем десятилетний перерыв в публикации частей этих «Колокольчиков» и соответствующее увеличение объема опубликованного в 2 раза невольно наводит на мысль: а не создавалось ли стихотворение, что называется, «в два присеста» – сначала было написано то, что появилось в «Современнике», а потом, спустя некоторое время, «дописано» остальное? Тем более что такой прецедент в творчестве Толстого имел место. Так, опубликовав в 1854 г. семь строф стихотворения, озаглавив его «Умеренность» («Поразмыслив аккуратно...»), он добавляет еще одну строфу после ультиматума России в конце декабря 1855 г. австрийского правительства от имени коалиции (хотя сама Австрия непосредственного участия в боевых действиях не принимала, оставаясь на словах нашим нейтральным «союзником») и помещает стихотворение в собрании 1867 г., изменив, уже с учетом двурушнического поведения австрийцев, его заглавие на «Благоразумие», имевшее явно иронический, если не сказать – ехидный – подтекст.

На несостоятельность предположения о «дописывании» «Колокольчиков» указывает сам Толстой в письме к С.А. Миллер от 25 октября 1856 г. В нем он сообщает о вечере, проведенном в царской семье, на котором он «нарочно» прочел императрице «“Колокольчики” в цельности», и «в одном месте, именно в том, где заключается вся суть стихотворения, – она сказала: “Как

хорошо!») (IV, 88). Значит, эти «Колокольчики» были написаны «в цельности» сразу.

Отсюда следует, что на вечере у императрицы «Колокольчики» были прочитаны в цельности «нарочно» – т.е. впервые, что именно в прочитанных впервые строчках находится место, «где заключается вся суть стихотворения», и что в «Современнике» стихотворение увидело свет без своей «сути», т.е. без того, ради чего оно было написано.

Почему же Толстой решился прочитать, т.е. обнародовать «Колокольчики» со «светлым посланьем» в цельности, лишь в октябре 1856 г.? Не потому ли, что на то имелись достаточно серьезные причины, удерживая его от чтения их кому-либо «в цельности», не говоря уже о печати? А почему нельзя было этого делать раньше? О чем же опущенные при первой публикации этих «Колокольчиков» строфы?

*Упаду ль на солончак  
Умирать от зною?  
Или злой киргиз-кайсак,  
С бритой головою,  
Молча свой натянет лук,  
Лежа под травой,  
И меня догонит вдруг  
Медною стрелою?*

*Иль влетим мы в светлый град  
Со кремлем престольным?  
Чудно улицы гудят  
Гулом колокольным,  
И на площади народ,  
В шумном ожиданье,  
Видит: с запада идет  
Светлое посланье.*

*В кунтушах и в чекменях,  
С чубами, с усами,  
Гости едут на конях,  
Мащут булавами,  
Подбочась, за строем строй  
Чинно выступает,  
Рукава их за спиной  
Ветер раздувает.*

*И хозяин на крыльцо  
Вышел величавый;  
Его светлое лицо  
Блещет новой славой;  
Всех его исполнил вид  
И любви и страха,  
На челе его горит  
Шапка Мономаха.*

*«Хлеб да соль! И в добрый час! –  
Говорит державный, –  
Долго, дети, ждал я вас  
В город православный!»  
И они ему в ответ:  
«Наша кровь едина,  
И в тебе мы с давних лет  
Чаем господина!»*

*Громче звон колоколов,  
Гусли раздаются,  
Гости сели вокруг столов,  
Мед и брага льются,  
Шум летит на дальний юг  
К турке и к венгерцу –  
И ковшей славянских звук  
Немцам не по сердцу!*

Эти строфы развивают тему, намеченную в 5-й строфе: «Чем окончится наш бег? Радостью ль? Кручиной?» Так, в 6-й строфе говорится о «кручине» – «Упаду ль на солончак умирать от зною?..» и т.д. О «радости» говорится в остальных строфах. И что примечательно, поэт говорит не столько о радости собственно самого седока, сколько о радости всего народа («Чудно улицы гудят звоном колокольным, И на площади народ в шумном ожиданье...»), к которой приобщается и сам седок. И причина этой радости – «светлое посланье». И если о посланцах судить по одежде, то она выдает в них запорожцев, представителей Войска казачьего.

Так, известно, что богатые казаки – а посланцы, несомненно, должны быть одеты во все «богатое» – носили кафтаны или жупаны и суконные кунтуши с откидными рукавами<sup>9</sup>. Именно об этих

рукавах говорит поэт, что их «ветер раздувает». Едет запорожец по степи и кажется, что «как будто на спине его приделаны крылья; по тем-то крыльям и узнают издалека запорожца»<sup>10</sup>.

Что касается чекменя, этой одежды народов Кавказа, то тут тоже нет ничего удивительного. Ведь армяне уже в XI в. имели свои поселения на Украине<sup>11</sup>. В «Истории запорожских козаков» Д.И. Эварницкого мы также находим упоминание о чекмене как одежде запорожцев<sup>12</sup>.

«С чубами, с усами...» Известно также, что все казаки без исключения – и богатые, и бедные – брили голову, оставляя лишь длинные усы и чуприну (оселедец, чуб)<sup>13</sup>. Что же касается булавы, то она, как знак гетманской власти, сама за себя говорит.

Но если перед нами представители Войска казачьего, то «светлое посланье», которое пришло с запада и последовавшее затем торжество, не что иное, как образная картина воссоединения Украины с Россией.

Послушайте речь «державного»: «Долго, дети, ждал я вас в город православный!» Это же выражение естественного стремления, что на протяжении долгого времени вынашивалось двумя братскими народами.

В 1620 г., когда посланцы гетмана П. Сагайдачного впервые заговорили о желании стать под «высокую руку» русского царя, это желание было сочувственно встречено русским правительством: «То они делают добро, то что они царские милости к себе ищут и служить ему государю хотят»<sup>14</sup>. В «Истории Русов» Георгия Конисского, наиболее популярном источнике исторических сведений об Украине, который хорошо знал Толстой (IV, 66), приводится письмо царя Алексея Михайловича к Богдану Хмельницкому. В нем говорится, что царь желал бы, чтобы «он, Хмельницкий, с народом Малороссии, соединился навсегда с царством его Московским...», что он примет их «яко своих кровных»<sup>15</sup>. 6 февраля 1649 г. посланцы Алексея Михайловича опять склоняли Хмельницкого, «чтобы с народом Русским и войском соединился он в Царство Московское на таких условиях, какие им заблагорассудятся...»<sup>16</sup>

Мы видим, что слова «державного» опираются на историю братских народов, на факты, известные Толстому.

Возьмем ответ посланцев: «Наша кровь едина...» Правомерность такого утверждения в устах посланцев Украины в обращении к «державному» не может подвергаться ни малейшему сомнению. Это действительно так – наша кровь едина. Показательно, что и вся «История Русов» пронизана идеей «единокровности» двух братских народов. Буквально с первых страниц варьируется там тема общности их происхождения: «единоплеменный корень словенский», «единоверцы и однородцы», «единоверные и единоплеменные», «единоверные и единокровные» и т.д.<sup>17</sup>

Дальше: «И в тебе мы с давних лет чаем господина...» Выше говорилось о посланцах гетмана П. Сагайдачного. Так вот, в записи Посольского приказа об этой встрече 26 февраля 1620 г. есть такие слова: Посланцы «царскому величеству... все бьют челом, чтобы их государь пожаловал, як своих холопий»<sup>18</sup>. Это первое, что подтверждает правоту заявления «с давних лет». Второе. «...Мы уже шесть лет беспрестанными молениями нашими себе просим» самодержца восточного, – сказал Богдан Хмельницкий в речи перед Переяславской Радой<sup>19</sup>. И действительно, за шесть лет до этого, 8 июня 1648 г., он отправляет свое первое послание царю Алексею Михайловичу, в котором пишет, что они желают себе «самодержца господя такого в свои земли, как ваша царская вельможность православный христианский царь»<sup>20</sup>.

В «Истории Русов» тоже приводится письмо Хмельницкого, где говорится, что «он всегда царю и народу его верный помощник и готов к тому со всеми войсками своими козацкими»<sup>21</sup>.

Таким образом, в созданной поэтом картине «светлого посланья» нет ничего, что бы выходило за рамки исторической достоверности. И даже тот факт, что именно народ выражает радость по поводу этого «послания», а «державный» только вторит этой радости, ничуть не нарушает правды истории, отражая естественное проявление чувств русского народа к народу Украины.

Все это и дает основания считать, что 7–11 строфы «Колокольчиков», приведенные выше, посвящены конкретному событию, и увиденное седоком торжество по случаю «светлого посланья» действительно является образной картиной исторического акта Воссоединения Украины с Россией.

Несомненно, нарисованная Толстым в «Колокольчиках» поэтическая картина радости, с какой большинство украинцев

в середине XVII в. воспринимали акт Воссоединения Украины с Россией, отвечала действительности тех лет. Однако к середине XIX в. у украинцев радости от жизни в составе Российского государства почти не осталось, особенно ее поубавилось, когда Екатерина II «прикрепила украинцев к земле» (I, 334).

И вот, в конце 1845 – начале 1846 г. в Киеве возникает «Кирилло-Мефодиевское общество», в программном документе которого – «Книге бытия украинского народа» («Законе Божьем») – прямо говорилось, что «пристав к Московщине... скоро увидела Украина, что она попала в неволю», что «немка царица Катерина... кончила казачество и свободу», и что «теперь в России хотя и есть деспот-царь, однако он не славянин, а немец, и чиновники у него немцы...» В качестве главной своей цели Общество провозглашало отмену крепостного права, введенного Екатериной II, образование независимой Украины и создание «единого» федеративного Славянского союза, состоящего из славянских республик<sup>22</sup>. В 1847 г. члены Общества были арестованы и осуждены, самые активные, революционно настроенные из них, среди которых был Т.Г. Шевченко, отправлены в ссылку.

Публикация той части стихотворения, в которой говорилось о радости Воссоединения Украины с Россией, и особенно картина торжественного застолья по случаю прибытия в Москву посланцев украинского народа, могла и наверняка вызвала бы нежелательные ассоциации, связанные с поведением двух «державных» – того и нынешнего: один привечал лучших сынов украинского народа, другой – их наказывал. Толстой прекрасно знал реакцию Николая I на сепаратистские, говоря современным языком, настроения украинской элиты. В этих условиях даже малейшее напоминание о радости Воссоединения, о чем уже в «верхах» успели забыть и не хотели вспоминать, было бы не только нежелательным, но прозвучало бы как явный упрек той политике, какую до того проводили и продолжали проводить правители России на Украине. А потому все «крамольные» в этом отношении строфы при первой публикации «Колокольчиков» были опущены.

Ситуация изменилась, когда в феврале 1855 г. царский престол занял Александр II, с которым Толстого связывали узы детской и юношеской дружбы. И тогда, спустя некоторое время (почти два года), он рискнул прочитать «Колокольчики» в царской

семье «в цельности» (IV, 88), а затем и включить их без одной строфы (почему – речь впереди) в сборник, созданный по инициативе императрицы, который она просила посвятить ей (там же). К тому времени о существовании Кирилло-Мефодиевского общества успели позабыть, Шевченко находился на хорошем счету как художник, и говорить о радости Воссоединения Украины с Россией можно было, не опасаясь никакой негативной на то реакции.

#### 4

Почему «Колокольчики» были напечатаны в усеченном виде – это вполне понятно. Но почему они были опубликованы лишь в апреле 1854 г., а не раньше, если исходить из того, что написаны они до 1850 г.? И вообще, почему А.К. Толстой заявил о себе как поэт только в тот год, да еще подборкой стихотворений, которую открывали усеченные «Колокольчики», а два из шести опубликованных вместе с ними стихотворений: «Ой стоги, стоги...» и «Ты знаешь край, где все обильем дышит...» – напрямую касались событий, связанных с историей Украины, чему были посвящены и опущенные при публикации «Колокольчиков» строфы? Ответить на эти вопросы – значит понять не только как появился у Толстого этот, можно сказать, «украинский цикл», но и выяснить, когда были написаны «Колокольчики» со «светлым посланьем» и «Колокольчики» с обещанием передавать русским людям «дела былые», услышанные от «цветиков степных».

Начнем с того, что вспомним – 1854 г. был годом 200-летия Воссоединения Украины с Россией, и что именно о событиях двухсотлетней давности говорилось в опущенных при публикации строфах «Колокольчиков». Понимая, что прямой отклик на это событие был тогда невозможен и приходится снимать посвященные тому строфы, Толстой тем не менее нашел возможность сделать это косвенно, рассчитывая на сообразительность просвещенных читателей, которые имели хотя бы самое отдаленное, малейшее представление как о самом событии, так и о том, что ему предшествовало, чем оно было вызвано, следствием чего стало.

Но прежде коснемся той переключки, что окольцовывает усеченные «Колокольчики», связывая их первую и последнюю строфы.



И там и там поэт спрашивает «цветиков степных».  
В первой строфе:

*...о чем звените вы  
В день веселый мая?..*

В последней:

*...о чем грустите вы  
В день веселый мая?..*

И в том и в другом случае время действия, казалось бы, одно – «день веселый мая». Однако ведут себя в этот день «цветики степные» по-разному: сначала «звенят», затем «грустят». И такое обрамление стихотворения не случайно. Это были разные по своему содержанию (наполнению) дни, имевшие судьбоносное значение в жизни украинского народа. Один был радостным – вспоминая о нем, колокольчики «звенели». Другой – печальным, памятуя, о чем они «грустили».

Дело в том, что в один из майских дней – 6 мая 1686 г. – был заключен «Вечный мир» с Речью Посполитой, по которому Левобережная Украина и Киев признавались неотъемлемыми частями России и окончательно, безоговорочно и бесповоротно включались в ее состав, обозначив таким образом начало процесса Воссоединения двух народов, положенный решениями Переяславской Рады и Земского собора, чему и была посвящена картина «светлого посланья».

В другой же майский день – 3 мая 1783 г. – на Украине указом Екатерины II вводится крепостничество: свободный до того народ становится подневольным, попадая под неограниченную власть помещиков, местного панства. Было от чего грустить, и Толстой этого никогда не забывал, особо подчеркнув такую перемену в жизни украинцев в своей «Истории государства Российского от Гостомысла до Тимашева» (I, 334).

Очевидно, что и то и другое событие произошли «в день веселый мая» не случайно и не без воли Провидения, которое сочло нужным разделить эти «дни» на целое столетие, чтобы, вспоминая об одном из них, ставшим закономерным итогом «светлого посланья», колокольчики «звенели», вспоминая о другом –

«грустили». По-иному при этом звучали и слова: «...в день веселый мая». В одном случае – чисто хронологически, обозначая радостный момент в жизни Украины: дату Воссоединения значительной ее части с Россией. В другом – саркастически: только по злой иронии судьбы в майский день, когда природа радовалась пробуждению, оживала к новой жизни, мог появиться, мягко сказать, «невеселый», а по сути страшный по своему содержанию указ, обрекающий украинцев на суровые испытания, которые несло им крепостничество.

Вне контекста изображенного «светлого посланья», которое было опущено при публикации стихотворения в «Современнике», эта ирония была незаметна, никак не ощущалась, оставаясь известной только самому поэту. И тем не менее Толстой включает 12-ю строфу в число там опубликованных, несмотря на то что ни она, ни 1-я не имели никакого отношения к сказанному во 2–5-й строфах, которые представляли собою вполне законченное, самостоятельное стихотворение.

Задав в 1-й строфе два вопроса колокольчикам:

*Что смотрите на меня  
Темно-голубые?  
И о чем звените вы?.. –*

поэт, не дожидаясь ответа, сразу переходит к разговору о себе и неукротимом беге своего коня, после чего задает вопросы уже самому себе:

*Чем окончится наш бег?  
Радостью ль? Кручиной? –*

и сам же на них отвечает:

*Знать не может человек –  
Знает Бог единый!*

Ссылкой на Бога сюжет с бегом коня был, таким образом, завершен и не требовал никакого дополнения к сказанному или каких-то заключительных слов: Бог все знает и все в его руках. Тем не менее поэт помещает затем строфу, не только содержа-

тельно никак не связанную с этим сюжетом, но и с новым вопросом «цветикам степным»:

*...о чем грустите вы  
В день веселый мая,  
Средь некошенной травы  
Головой качая?*

Строфа с таким вопросом была крайне нужна ему, чтобы никому не показалась странной публикация стихотворения, которое шло сразу за «Колокольчиками», – «Ой стоги, стоги...», с их очень невеселым содержанием, исполненным грусти, но в продолжение разговора, начатого поэтом с «цветиками степными», что уже не могли «головой качать», скошенные вместе с травой и собранные в стоги. И уже им задает свой вопрос:

*Ой стоги, стоги,  
В зеленом болоте,  
Стоя на часах,  
Что вы стережете?*

Они ничего не «стерегли», а только жаловались на свою судьбу:

*Добрый человек,  
Были мы цветами, –  
Покосили нас  
Острыми косами!*

*Раскидали нас  
Посредине луга,  
Раскидали врозь,  
Дале друг от друга!*

*От лихих гостей  
Нет нам обороны,  
На главах у нас  
Черные вороны!*

*На главах у нас,  
Затмевая звезды,  
Галок стая вьет  
Поганые гнезда!*

И умоляли:

*Ой орел, орел,  
Наш отец далекий,  
Опустися к нам,  
Грозный, светлокий!*

*Ой орел, орел,  
Внемли нашим стонам,  
Доле нас срамить  
Не давай воронам!*

*Накажи скорей  
Их высокомерье,  
С неба в них ударь,  
Чтоб летели перья...*

Это была достаточно прозрачная аллегория сложившейся на Украине и предшествовавшей процессу ее Воссоединения с Россией ситуации с бесчинствами «высокомерных ворон» – ляхов и «поганных галок» – турок и постоянными просьбами украинцев, обращенных к орлу – русскому царю, взять их под свою «державную» руку. Такой аллегорией Толстой хотел вызвать в памяти читателей представление о том, каким образом разрешилась эта ситуация и чем завершилась просьба «стогов», обращенная к «отцу далекому» – орлу.

Полагают, что стихотворение «проникнуто мыслью об объединении славянства при помощи и под руководством России», а «стоги» – это «славянские народы» (I, 736), что оно «отражает идею объединения славян вокруг России», где «“стоги” – славянские народы»<sup>23</sup>. Однако под «стогами» Толстой имел в виду не славянские народы вообще, а лишь украинцев, по которым прошла «острая коса» истории и «раскидала врозь» по разным частям «широкого луга» – Украины. Составляющими этого «луга» были Левобережная и Правобережная Украина, Запорожье (Запорожская Сечь), Буковина, Подолье, Закарпатье, Галиция. На одних его частях-землях «лихими гостями» – «черными воронами» и «погаными» галками – были ляхи, на других – турки. Создавая это стихотворение, Толстой думал не о славянских народах как

таковых, а только об украинцах времен Петра Сагайдачного и Богдана Хмельницкого, украинцах разорванной тогда на части Украины, страдавших от выпавшей на их долю судьбы, которая их «раскидала врозь» и отделила «друг от друга».

Тем не менее, чего нельзя не отметить, мысль об объединении славянских народов вокруг России и под ее руководством все-таки посещает Толстого. Но только один раз и именно тогда, когда он пишет «Колокольчики» со «светлым посланьем». И в продолжение ответа гостей «державному» появляется строфа:

*На одних цвели полях  
Древле наши деды,  
Рус и чех, хорват и лях  
Знали те ж победы!  
Будь же солнцем наших стран  
И княжи над нами!  
Кто на Бога и славян  
С русскими орлами!*

Возможно, в глубине души он тогда и разделял эту идею, но вкладывать в уста гостей, что искали спасения и защиты как раз от ляхов, слова о единстве всех славян вместе с ляхами под «солнцем» одного «державного» было, мягко говоря, некорректно и неуместно. Толстой это почувствовал, строфа в печати не появилась и сохранилась лишь в нескольких списках, как мимолетное проявление желания поэта видеть все славянские народы в семье единой.

Именно мимолетное, потому что спустя некоторое время он пишет стихотворение «И у меня был край родной когда-то...», где Россию назовет «чужбиной», в которой ему приходится «праздно доживать». Понимая историческую необходимость Воссоединения Украины с Россией, Толстой видит, что единой семьи при этом не получилось, что отношения между ними напоминают отношения мачехи и падчерицы: взяв украинцев под защиту, Россия не стала для них матерью. И в дальнейшем даже малейшего намека на желательность «объединения славян вокруг России» ни в письмах, ни в произведениях поэта нет. Призывать к увеличению числа «падчериц», зная о судьбе Украины в составе России, ему, очевидно, ну никак не хотелось. Потому-то это стихотворение, как и строфа из «Колокольчиков», при жизни Толстого в печати не появилось,

но сохранилось в рукописи с невольной оговоркой «по Фрейду» о «чужбине»...

Но возвратимся к произведениям, опубликованным в «Современнике».

Если в стихотворении «Ой стоги, стоги...» Толстой предшествовавшую Воссоединению Украины с Россией ситуацию изобразил аллегорически, то в помещенном там же стихотворении «Ты знаешь край, где все обильем дышит...» он уже непосредственно касается процесса Воссоединения, прямо называя имена тех, кто его инициировал и кто содействовал его завершению:

*И мнилось нам: через туман прозрачный  
Несутся вновь Палей и Сагайдачный...  
Ты знаешь край, где с Русью бились ляхи,  
Где столько тел лежало средь полей?*

Петр Сагайдачный, как уже отмечалось выше, стоял у истоков Воссоединения с Россией Левобережной Украины, Семен Палей в конце XVIII в. возглавил движение на Правобережной Украине за ее Воссоединение с Россией, что и свершилось в 1793 г., в ходе 2-го раздела Польши. На связь со стихотворением «Ой стоги, стоги...» указывают, с одной стороны, упоминания о «болоте» – там «зеленое», здесь в тумане, с другой – о ляхах, что на полях Украины «бились с Русью», которая в лице Орла откликнулась на мольбу «цветиков степных» («стогов») – «наказать высокомерье» ворон и галок.

## 5

Когда же Толстой создает эти произведения, составившие, как уже отмечалось, своеобразный «украинский цикл», содержание которого было непосредственно связано, на что обращалось выше внимание, с событиями, имевшими место в предыстории и истории Воссоединения Украины с Россией?

Спрашивается, если стихотворения этого «цикла» были написаны в 1840-е годы, как утверждается до сих пор, почему же тогда они не появились в печати? Что им мешало? Почему, относительно регулярно публикуя в те годы свои прозаические вещи, Толстой, кроме стихотворения «Серебрянка» («Бор сосновый

в стране одинокий стоит...»), увидевшего свет в 1843 г., вплоть до начала 1854 г. вообще не выступает в печати как поэт? Почему «украинский цикл» был опубликован лишь в 4-й книжке «Современника» за 1854 г., хотя сотрудничество Толстого в этом журнале началось еще в конце 1853 г. с участия в «Литературном Ералаше», одним из инициаторов которого он был? Так, во 2-й и 3-й книжках журнала за 1854 г. и, соответственно, в 1-й и 2-й «Ералашных» тетрадях помещаются его произведения, запечатлевшие отдельные «Досуги Кузьмы Пруткова в стихах и прозе»? Именно, да простится эта тавтология, с именем Кузьмы начались выступления этого «даровитого поэта», как он сам себя охарактеризовал в помещенном там же Предисловии, предварявшем его «Досуги» и помеченном 11 апреля 1853 г.<sup>24</sup> Наконец, почему стихотворения «украинского цикла» появились не в декабрьской книжке «Современника» за 1853 г., накануне 200-летия Воссоединения Украины с Россией, что было бы естественно и логично, и даже не в январской, первой в 1854 г. (ведь как раз в январе 1654 г. Переяславская Рада принимает историческое решение о Воссоединении), и не во 2-й и не в 3-й, в которых Толстой, хотя и анонимно, но уже обозначился своим участием в журнале, а лишь в 4-й, чьими стихотворениями она и открывалась? Почему?

А не потому ли, что они были написаны не в 1840-е годы, а создавались как раз в то время, когда шло формирование последней в 1853 г. и первых на 1854 г. книжек журнала?

Вспомним, что Толстой говорил о своем характере, который «чувствителен к малейшему прикосновению» (IV, 57), а также его признание: «...я пишу, только когда придет охота, но уже тогда вкладываю всю свою душу» (IV, 288).

Центральными в «украинском цикле», бесспорно, являются «Колокольчики» со «светлым посланьем». «Это, – как писал сам Толстой, – одна из моих самых удачных вещей» (IV, 89). Следовательно, они, несомненно, принадлежат к произведениям, в создание которых поэт «вкладывал всю свою душу». А значит, они появились тогда, когда к нему «пришла охота» написать именно такое стихотворение.

Что же могло вызвать такую «охоту» и когда она к нему пришла?

Учитывая характер Толстого, «чувствительного к малейшему прикосновению», можно предположить, что тому предшествовало какое-то очень «чувствительное» для него «прикосновение». Для создания стихотворений, посвященных Украине, таким, по-видимому, могло стать и стало его «прикосновение» к истории Украины во время очередной встречи с Л.М. Жемчужниковым. «Мой двоюродный брат, – пишет Толстой 3 ноября 1853 г. С.А. Миллер, – приехал из Малороссии и привез с собой такие великолепные национальные мотивы! Они мне перевернули сердце...» (IV, 65).

Начиная с лета 1852 г. Л. Жемчужников неоднократно бывал на Украине и после каждой такой поездки обычно делился с братом, «полюбившим Малороссию с детства»<sup>25</sup>, своими впечатлениями от увиденного и услышанного там. Его восторженные рассказы о Малороссии, рисунки, которые он привозил с собой или присылал оттуда Толстому<sup>26</sup>, не оставляли поэта равнодушным, получая отражение в ряде его стихотворений (что предмет особого разговора). Но ни на одной из этих встреч с Жемчужниковым – ни раньше, ни после – Толстой не испытывает такого потрясения, как на этой, слушая песни, которые брат «пел без всякого аккомпанемента» (IV, 66).

«Никакая, – писал Толстой Миллер, – национальная музыка не выразила свою народность с таким величием и силой, как малороссийская музыка, даже лучше великороссийской, которая так выразительна.

Слушая ее, ты бы постепенно видела открывающуюся перед тобой всю историю Малороссии, ты бы лучше поняла характер народностей, чем читая Гоголя или Конисского».

И далее: «Это – резкие и неожиданные ощущения, которые иногда испытываешь и которые открывают перед нами горизонт, о котором мы не подозревали или который мы совсем забыли...» (IV, 66).

Письмо Толстого Миллер от 3 ноября 1853 г. как нельзя лучше объясняет и сам факт появления стихотворений «украинского цикла», и их содержание.

Прямой иллюстрацией слов: «...ты бы постепенно видела открывающуюся перед тобой всю историю Малороссии» было стихотворение «Ты знаешь край, где все обильем дышит...» Здесь



«ты» – явное обращение к Миллер, которая не слышала песен в исполнении Жемчужникова, а потому не могла «открыть» для себя «всю историю Малороссии» и лучше понять характер украинцев, в том числе, если не прежде всего, его, Толстого, характер как представителя этого народа (он был правнуком последнего гетмана Украины). Чтобы дать ей понять и почувствовать откуда он родом, куда «стремится всей душою», и что определило его характер, Толстой и создает поэтическую картину истории Украины – своей родины – Малороссии. А о том, что именно ее, а не Россию, он считает подлинною своею родиной, поэт, как отмечалось выше, проговорился позднее в стихотворении «И у меня был край родной когда-то...»

Иллюстрацией слов относительно «горизонта, о котором мы не подозревали или который мы совсем забыли», были «Колокольчики» со «светлым посланьем» – естественный, непосредственный отклик на неожиданно открывшийся перед поэтом «горизонт» – начало Воссоединения Украины с Россией, о приближении 200-летия которого «мы» – т.е. россияне и малороссыяне, – «не подозревали», потому что об этом событии «совсем забыли».

«Ой стоги, стоги...» – это тоже о «горизонте... который... совсем забыли», когда страдающая и раздробленная Украина зывала к «отцу далекому» – орлу и молила его наказать «черных ворон» и «поганных галок», что «высокомерно» унижали и «срамили» украинцев.

Когда же могли быть созданы эти стихотворения? Только в период после отмеченной выше встречи Толстого с Л. Жемчужниковым, но не ранее 3 ноября 1853 г., и до середины марта 1854 г., времени поступления в цензуру 4-й книжки «Современника», разрешение на издание которой – «печатать позволяется» – помечено 31 марта.

В какой последовательности они создавались? По-видимому в той, в какой мы их рассматривали, исходя из содержания письма Толстого Миллер от 3 ноября 1853 г. Сначала «Ты знаешь край, где все обильем дышит...», которое было написано непосредственно под впечатлением от малороссийских песен, исполненных Жемчужниковым, и в дальнейшем дорабатывалось. Затем «Колокольчики» со «светлым посланьем» и «Ой стоги, стоги...»

Тогда же, вслед за ними, были написаны и другие «Колокольчики», те, что носили программный характер, обозначив главное направление творческих интересов Толстого: передавать «русским людям... дела былые». Направление, которое во многом было определено стихотворениями «украинского цикла», посвященными как раз таким «делам», «былому времени далекому». Потому-то совсем не случайно в содержании этих «Колокольчиков» заметное место занимала украинская тематика – упоминание о «козацкой воле», «гетманщине лихой» и «убитом в стороне немиллой» козаке.

## 6

До сих пор по сути единственным источником датировки этих и целого ряда других стихотворений поэта служила так называемая «Тетрадь А.О. Смирновой», создание которой относили, о чем уже говорилось выше, к 1850 г., а потому все находившиеся там произведения Толстого датировали 1840-ми годами. Однако в те годы он стихотворений не писал.

Необходимым условием поэтического творчества является *лирическое настроение*, которого у Толстого тогда не было. Стихи, как правило, начинают писать влюбленные, а до встречи с Миллер Толстым, если судить по опубликованным им тогда произведениям, владело *эпическое настроение*. Кроме единственного стихотворения «Серебрянка» («Бор сосновый в стране одинокий стоит...»), отразившего его впечатления от прогулок «с ружьем» по окрестностям Блистовы – имени матери, и увидевшего свет в 1843 г., Толстой выступает тогда в печати исключительно как прозаик. В 1841 г. появляется «Упырь», затем «Два дня в Киргизской степи» (1842), «Волчий приемыш» (1843), «Артемий Семенович Бервенковский» (1845), «Амена» (1846), начинается работа над «Князем Серебряным». Эпической по своему характеру и настрою была и стихотворная баллада о «рыцаре Амвросии», ставшая основой сюжета «Упыря».

Внезапно возникшее у него увлечение Миллер, переросшее затем в любовь, настраивает его Музу на лирический лад, делает его поэтом, рождение которого было обозначено стихотворением «Средь шумного бала, случайно...» Он прерывает работу над

«Князем Серебряным», всецело и надолго отдает себя во власть лирической стихии. Эпическое настроение – «душевное, – как он пишет, – спокойствие» (IV, 109) – вернется к нему лишь в конце 1850-х годов, он снова обратится к работе над романом, завершив его в 1862 г. Написанное вслед за «Средь шумного бала, случайно...» 15 января 1851 г. стихотворение «Пусто в покое моем. Один я сижу у камина...» носило еще следы прежнего настроения, будучи экспериментом в духе античной эпической поэзии, на который Толстой идет, как пишет о том Миллер, «только затем, чтобы напомнить Вам греческий стиль, к которому Вы питаете привязанность» (IV, 50). К такому «стилю» поэт еще не раз обратится в стихотворениях: «Слушая повесть твою, полюбил я тебя, моя радость...», «В колокол, мирно дремавший, с налета тяжелая бомба...» и «Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель!...»

Когда же возникла так называемая «Тетрадь А.О. Смирновой», с какими событиями в жизни Толстого это было связано?

Из содержания стихотворений «украинского цикла» следует, что она не могла появиться ранее апреля 1854 г. – времени выхода из печати четвертой книжки «Современника» за тот год, где этот «цикл» увидел свет.

Содержание «Благовеста» показывает, что данная «Тетрадь» могла появиться не ранее конца 1854 – начала 1855 г., времени создания этого стихотворения.

Выше уже обращалось внимание на то, что «Тетрадь А.О. Смирновой» не могла появиться ранее «Тетради В.М. Жемчужникова».

Таким образом, Толстой никак не мог подарить тетрадь со списком своих стихотворений, сделанных неустановленной, как отметил Кондратьев, рукой, А.О. Смирновой в 1850 г.

О том, что это произошло значительно позже, говорит и уже процитированная выше ностальгическая приписка-автограф:

*Ой не видно того села – тыльки видны хресты,  
Туди любо, туди мило вигеньками увиты!*

В этих двух строчках поэт, вспомнив о времени, проведенном им вместе с другими писателями в калужской усадьбе Смирновой, замечает, что это было давно («не видно того села»), и что из посещавших тогда усадьбу некоторых уже нет в живых («тыльки видны хресты», увитые «вигеньками» – вьюнками). Среди почивших посетителей усадьбы самым известным и видным был Н.В. Гоголь, скончавшийся в 1852 г.

О более позднем происхождении «Тетради А.О. Смирновой», не ранее конца 1856 г., свидетельствуют не только «Тетрадь В.М. Жемчужникова», но и две другие – одна представляет собой стихотворения, записанные самим Толстым – т.е. является автографической («Тетрадь А.С. Уварова»), другая – список с этого автографа. Какая из этих тетрадей явилась источником для «Тетради А.О. Смирновой», в которую стихотворения Толстого были вписаны «неустановленной рукой», еще предстоит установить.

Несомненно одно, что все эти «Тетради» могли появиться только после того, как императрице понравились стихотворения Толстого, которые она «заставила, – по словам поэта, – ...ей прочесть» вечером в Царском Селе 25 октября 1856 г. И потом сказала, чтобы Толстой «ей посвятил весь сборник», прибавив: «Я не хочу, чтобы цензура его кромсала» (IV, 88). Уже на другой день появились желающие получить от поэта список «Колокольчиков», получивших высочайшую оценку императрицы: «Как хорошо!» С соответствующей просьбой обратилась к нему и Миллер. «Впрочем, ты не одна», – сообщает он ей 27 октября 1856 г. (IV, 89). Другого повода-стимула-импульса для записи стихотворений в отдельную «Тетрадь», а затем создания и распространения с нее списков-копий, в том числе и писарской, у Толстого ни до, ни после не было...

---

<sup>1</sup> В «Полном собрании стихотворений в двух томах» А.К. Толстого (Т. 1. Л., 1984. – С. 503) эта строка дана в такой редакции: «Я прислушиваюсь к вам...» Почему и на каком основании появилось настоящее время – «прислушиваюсь» – непонятно. Во всех известных на сегодняшний день списках стихотворения стоят будущее время – «прислушаюсь». Оно сохраняется и при первой публикации стихотворения в книге А.А. Кондратьева «Граф А.К. Толстой» (СПб., 1912. – С. 92) – «прислушаюсь». Появление «ь» вместо

- «я» в окончании слова его смысл не меняло. Это так называемая глазная опечатка: Кондратьев мог допустить ее, списывая слово с рукописной «Тетради», либо это результат невнимательности наборщика.
- 2 См.: *Кондратьев А.А.* Граф А.К. Толстой. – Преамбула. – н/н. – С. 91–109.
- 3 Там же. Преамбула.
- 4 См.: *Толстой А.К.* Полное собрание стихотворений и поэм (Новая библиотека поэта). – СПб., 2006. – С. 595, 597–599.
- 5 *Гегель Г.В.Ф.* Эстетика. – Т. 3. – М., 1971. – С. 494.
- 6 *Толстой А.К.* Собр. соч.: В 4 т. – Т. IV. – М., 1964. – С. 70, 71. Далее ссылки на это издание в тексте с указанием тома (римскими цифрами) и страниц.
- 7 См.: Энциклопед. словарь. Изд. Бр. А.Н. и И.Н. Гранат. – Т. 23. – М., б.г. – Стлб. 367–368; Энциклопед. словарь. Изд. АО Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон. – Т. 27 (XIV). – СПб., 1895. – С. 361.
- 8 См.: *Кондратьев А.А.* Граф А.К. Толстой. – С. 34; *Захарова В.Д.* А.К. Толстой. Летопись жизни и творчества. – Брянск, 2013. – С. 56.
- 9 *Голобуцкий В.А.* Запорожское казачество. – Киев, 1957. – С. 111.
- 10 *Эварницкий Д.И.* История запорожских козаков. – Т. I. – СПб., 1892. – С. 260.
- 11 Исторические связи и дружба украинского и армянского народов. – Ереван, 1961. – С. 49.
- 12 *Эварницкий Д.И.* История запорожских козаков. – С. 252.
- 13 *Голобуцкий В.А.* Запорожское казачество. – С. 112.
- 14 Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы: В 3 т. – Т. I. – М., 1953. – С. 5.
- 15 *Георгий (Конисский).* История Русов или Малой России. – М., 1846. – С. 85.
- 16 Там же. – С. 87.
- 17 Там же. – С. 36, 116, 85, 87, 98, 117.
- 18 Воссоединение Украины с Россией. – Т. I. – С. 5.
- 19 *Крипякевич И.П.* Богдан Хмельницкий. – Київ, 1954. – С. 458.
- 20 Воссоединение Украины с Россией. – Т. III. – С. 33.
- 21 *Георгий (Конисский).* История Русов или Малой России. – С. 87.
- 22 *Зайончковский П.А.* Кирилло-Мефодиевское общество. – М., 1959. – С. 158–159, 85.
- 23 *Толстой А.К.* Полное собр. стихотворений в двух томах. – Т. 1. – С. 530.
- 24 См.: Современник. – 1854. – № 2. – «Литературный Ералаш». – Тетрадь 1. – С. 2.
- 25 *Жемчужников Л.М.* Мои воспоминания из прошлого. – М., 2009. – С. 131.
- 26 Там же. – С. 151.